

УДК 82-65:821.161.1(091)

DOI: 10.17223/19986645/40/10

Т.Б. Фрик

ЭПИСТОЛЯРНОСТЬ Н.М. КАРАМЗИНА¹

Статья посвящена рассмотрению специфических черт эпистолярности Н.М. Карамзина, нашедших отражение в его письмах, а также художественном творчестве и издательской практике. Эпистолярность рассматривается как качество, имманентно присущее творчеству писателя, выделяются ее характерные особенности. Делаются выводы о роли эпистолярной формы в построении поэтики карамзинских произведений.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, письмо, эпистолярное наследие, эпистолярные формы, эпистолярная поэтика.

Комплексный анализ писем Н.М. Карамзина в аспекте их поэтики, а также рассмотрение эпистолярных форм в поэтическом и прозаическом наследии писателя является актуальной исследовательской задачей, поскольку осмысление своеобразия эпистолярного феномена Н.М. Карамзина позволяет существенно дополнить уже имеющиеся представления о его творчестве, а также о роли писателя в формировании самосознания современников и развитии русской культуры и литературы.

Доминантный тип мироощущения того или иного писателя во многом может определяться особенностями жанрового оформления текстов и выражением индивидуального отношения к этому оформлению [1. С. 126]. Органичной для воплощения карамзинского мироощущения стала эпистолярная форма. Эпистолярность – это качество, имманентно присущее творчеству Н.М. Карамзина, и в этом смысле писатель является родоначальником определенной традиции, которая сыграла значимую роль в развитии эпистолярного творчества В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и других ярчайших представителей русской культуры и литературы.

В современном литературоведении изучение писем писателей стало одним из магистральных исследовательских направлений [2–6]. Исходной точкой в анализе писательского эпистолярия (как и других форм эгодокументов, автобиографических текстов) является вопрос о степени его литературности. Литературность – это то качество текста, которое может проявляться в разной степени или быть лишь его потенциальным признаком, способом бытования. В этом случае речь может идти о литературном модусе (регистре) функционирования текстов того или иного типа [6. С. 9]. Такое понимание литературности применимо и по отношению к эпистолярному наследию Н.М. Карамзина.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Эпистолярный жанр в наследии Н.М. Карамзина» № 14-04-00179.

С одной стороны, почтовая проза неотделима от литературного творчества писателя, с другой стороны, эпистолярность является отличительной чертой поэтики его прозаических и поэтических произведений. Писатель активно использует в своем творчестве эпистолярные формы в качестве разновидности традиционных литературных жанров: стихотворное письмо-послание, эпистолярный роман, письмо в составе художественного произведения, письмо как публицистическая форма. Особое отношение Н.М. Карамзина к эпистолярному жанру определено как общекультурным контекстом, так и свойственным ему творческим мировидением, в основе которого установка на единение чувств и дум участников диалога, будь то адресат и адресант письма или автор и читатель литературного произведения.

Большое количество карамзинских стихотворений – это послания, в них прослеживается взаимосвязь поэтики почтовой прозы и стихотворного дружеского диалога. Прозаизация стиха как отличительная черта Карамзина-поэта особенно очевидна при сопоставлении реальных писем и его стихотворных посланий (см., например, письма и послания к И.И. Дмитриеву). Также эпистолярность художественного творчества Н.М. Карамзина проявляется и в своеобразном диалоге между прозаическими произведениями, написанными в эпистолярной форме, и поэтическими посланиями (ср., например, «переписку» Филалета и Мелодора, «Разговор о щастии» и «К Мелодору в ответ на его песнь любви»).

Эпистолярность проявляется как на структурном, так и на содержательном уровне прозаических произведений Н.М. Карамзина. При этом эпистолярные включения выполняют разные функции: характерологическую, психологическую, сюжетно-композиционную, информативную, функцию автохарактеристики. Так, в «Моей исповеди» желание героя говорить о себе через письмо является единственной мотивацией, эпистолярный текст представляет собой акт автокоммуникации. В повести «Чувствительный и холодный» характерологические различия между героями подчеркиваются различиями в стилистике и содержании их писем. В повести «Рыцарь нашего времени» эпистолярным документом, который и характеризует героиню, и выполняет информативную функцию (дает необходимые сведения о герое), и косвенно подтверждает подлинность рассказываемой истории, является письмо графини. Элементы эпистолярного жанра, включенные в ткань произведения, играют особую роль в размыкании художественного текста в реальность, за счет них создается «образ подлинной жизни» [7. С. 83]. Особую роль в этом случае играет пишущий автор-герой («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза», «Сиера-Морена», «Остров Борнгольм», «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь»), с которым связаны различные проявления эпистолярности.

Эпистолярные формы играют особую роль в репрезентации принципов и позиции Н.М. Карамзина – издателя журналов. В карамзинских изданиях прослеживается эмоциональный, чувствительный «сюжет», создаваемый во многом за счет эпистолярного контекста, который «окрашивает в тона субъективной мысли или эмоции любой факт реальности, превращая его из самоцельного объекта в факт частной жизни, подчиненной логике самораскрытия и самопознания души» [8. С. 38]. Кроме того, карамзинская издательская

стратегия отличается ориентацией на диалог с читателем, этот диалог организуется посредством большого количества публикаций-писем, автором которых в большинстве случаев является сам Карамзин. Письмо в его издательской идеологии – это интерактивная форма общения с читателем, изначально предполагающая готовность адресата к пониманию и принятию точки зрения автора. Несмотря на определенную динамику эпистолярной поэтики от издания к изданию (в «Московском журнале», например, очевиден некоторый перевес чувствительности, в «Вестнике Европы» – декларативности и публицистичности), на протяжении всей творческой деятельности Карамзин сохраняет отношение к письму как к способу установления непосредственного контакта с читателем, форме выражения собственных идей и чувств. В карамзинских журналах письма стали воплощением сложного взаимодействия литературы и реальной жизни. Документальность (в данном случае – эпистолярность) необходимо рассматривать как категорию эстетическую, сочетание эстетики документа и художественности обуславливает внутреннее единство изданий Н.М. Карамзина и отражает его творческую индивидуальность.

Говоря об эпистолярности карамзинского творческого наследия, необходимо отметить некоторую амбивалентность ее проявления: с одной стороны, писатель активно разрабатывает поэтику частного, дружеского письма в своей поэзии, прозе, журналистской и издательской практике, с другой стороны, в частной переписке Н.М. Карамзин расширяет границы бытового письма, выводя его на уровень литературы и публицистики. Анализ частных писем писателя в контексте его художественного творчества позволяет сделать выводы об особенностях их поэтики, явленных в формальных, содержательных признаках, а также в факте рефлексии самого акта письма.

Письма Н.М. Карамзина, как и сложившийся в рассматриваемую эпоху эпистолярный дискурс, отличаются метаэпистолярностью, рефлексией над процессом написания письма [9. С. 462]. В анализируемом эпистолярном дискурсе эти особенности нашли отражение в образе пера: «перо выпало из рук» [10. С. 230], «перо тупеет» [10. С. 35] и т.п. Перо в текстах Н.М. Карамзина одновременно символизирует как процесс создания почтовой прозы, так и процесс литературного творчества. Как правило, мотивы письмописания связаны с выражением чувств и эмоционального состояния автора и адресата, особенно много таких примеров можно найти в ранних письмах: «Сердце мое не позволяет мне *выпустить перо из рук*, и – я пишу!» [10. С. 235] (здесь и далее курсив мой. – Т.Ф.); «Любознательный человек не может *отложить перо свое*, когда удостоился счастья вести поучительную для себя переписку с великими и учеными людьми» [10. С. 245]; «Музы благоденствуют в тишине <...> *Перо тупеет*, меч острится, и картина минувшего слабо действует на сердце, сильно волнуемое настоящим» [10. С. 35]. В более поздних письмах (менее литературных, наполненных разочарованием и размышлениями о приближающейся старости) Карамзин будет указывать на несоответствие данных образов и их стилистики своему эмоциональному состоянию: «Вот письмо *несвязное и без каламбуров*: спешу отправить его <...> Вы слышали о гвардейском обеде? 30 тысяч пило здоровье Императора, плакало, кричало ура, etc. etc. Это не совсем придворная весть, но... *бросаю перо, как я в старину писал*» [10. С. 341].

Н.М. Карамзин наделяет письма различными характеристиками, сущность которых определяется личностью адресата, тональностью, доминантой в общении с ним. Так, от власть имущих он получает «милостивые» письма, от друзей – «милые» и «дружеские», от родных – «дружеские» и «братские». Характер письма также может быть определен его тематикой и ситуацией общения, как, например, в случае с ответом на письмо П.А. Вяземского от 9 марта 1821 г.: «На *любезное либеральное* письмо ваше буду отвечать через почту» [10. С. 338]. Особое отношение к получаемым письмам может быть подчеркнуто открытым сопоставлением письма со старым долгожданным другом. Такое сравнение привносит в бытовую эпистолярную практику поэтичность: «Я взирав на написанное Вашим Императорским Высочеством письмо как на *старого друга, с которым свиделся после долгой разлуки*» [10. С. 111].

Важную роль в создании образности карамзинских писем играет образ пишущей руки, который является зримым (в особенности при актуализации семы «почерк») воплощением автора текста. Этот образ станет одним из основных в переписке Карамзина и Елизаветы Алексеевны, супруги императора, темой которой часто становилось обсуждение постоянного нездоровья автора и его царственного адресата. Так, например, в одном из писем к императрице рассказ о ревматической боли в руке превращается в историю преодоления себя, а словесная игра позволяет автору выразить всю полноту искренних чувств к императрице: «Теперь и враги моего авторского таланта не скажут, чтобы я писал без чувства: всякое движение пера отдается у меня в нервах. Платя дань суетности, без стыда хвалюсь перед Вами твердостью, которая состоит в том, чтобы платить некоторую болью в руке за счастье писать к любезнейшей из всех Императриц, не исключая и будущих» [10. С. 59]. В других письмах рука – узнаваемый почерк – это символ здоровья и благополучия автора, не случайно письмо брата, написанное чужой рукой, становится причиной карамзинского беспокойства: «Как нам грустно было видеть в письме вашем *не вашу руку!* Дай бог, чтобы драгоценное ваше здоровье еще поправилось!» [10. С. 219].

Частные письма Н.М. Карамзина, так же как и его стихотворные послания и художественные произведения, воплотили характерную для эпохи в целом ориентацию на дружескую беседу, при этом для писателя и историка стремление к душевной близости с адресатом – собеседником не столько дань литературной моде, сколько идеологически значимая константа, основа жизненной философии и базис жизнестроительства. Важно отметить, что эта особенность карамзинской эпистолярности получила развитие в поэтике писем писателей более позднего периода развития русской литературы: достаточно упомянуть в этой связи факт эпистолярной диалогичности А.С. Пушкина, которая рассматривается исследователями как поэтологическая константа пушкинских писем и основа его мировоззренческой позиции [11. С. 5].

Н.М. Карамзин уподобляет процесс переписки устному общению. Не случайно в письмах им так часто используются слова с семантикой «говорить»: «Умолкаю» [10. С. 12]; «Мы скажем единственно, что любим Вас» [10. С. 42]; «Не умничаю, а *говорю* искренно» [10. С. 23]; «Позвольте наконец сказать хотя два слова Вашему Императорскому Величеству» [10. С. 60].

Рефреном переписки с женой в феврале – марте 1816 г. станет фраза «поговорим о Петербурге», предваряющая детальный отчет Н.М. Карамзина обо всем, происходящем с ним. Часто в карамзинских письмах разным адресатам письмо сопоставляется с разговором: «Но боюсь *утомить* Вас *письмом*, как некогда боялся *утомлять разговором*» [10. С. 83]; «*Не пишу* к вам о новостях, любезнейший братец: и мало знаю, и *говорить* не хочется» [10. С. 189]; «Спешу после нашего разговора *излить на бумагу некоторые мысли* (не думая ни о красноречии, ни о строгом логическом порядке). Как мы *говорим* с Богом и совестью, *хочу говорить с Вами*» [10. С. 9]. Также Карамзин моделирует ситуацию устного общения в эпистолярном тексте через описание зримых для адресата физических действий. Ярким примером этому может служить небольшое письмо Н.М. Карамзина императрице Елизавете Алексеевне. Основным поводом для него стало стремление историографа извиниться за сорванный визит, при этом автор обрамляет текст описанием смены соответствующих ситуации поз: преклонение колен – поклон, что позволяет ему максимально приблизить переписку к ситуации общения лицом к лицу: «*Становлюсь на колени* и винюсь в вине неумышленной. Вы думали вчера <...> что я приду – а я не пришел! <...> *Встаю на ноги, но поклонившись Вам в землю, всеподданнейший, Карамзин*» [10. С. 81].

То, что имитация устного разговора, близкого и доверительного, осознавалась автором как прием создания эпистолярного времени и пространства, доказывает его использование при написании прозаических произведений, в особенности, конечно, «Писем русского путешественника», уровень достоверности которых заключается не в письме как в форме, а в том, что текст – это «написанное или же записываемое – письменная речь, которая тяготеет к тому, чтобы минимизировать различие между “я пишу” – “вы читаете”» [12. С. 63–64]. Таким образом, специфический характер эпистолярности Н.М. Карамзина заключается в его особом отношении к содержательности эпистолярной формы, которое нашло выражение в том числе в размывании границ фикционального и реального, во взаимопроникновении литературы и жизни. Не случайно в художественных произведениях Н.М. Карамзина достоверность прежде всего поддерживается эпистолярным планом повествования, а реальное письмо часто находится на грани художественного восприятия действительности. И если это мерцание планов литературы и правды жизни, идиллического и неидиллического, реальных писем, актуализирующих документальность повествования, и эпистолярности как литературного приема все в тех же «Письмах русского путешественника» становится предметом специальных исследований (см., например: [13]), то проблема литературности частного эпистолярия Карамзина в контексте его творческого наследия ставится и исследуется редко и часто номинально. В то же время именно Карамзину принадлежит открытие принципиально новой структуры нарратива, обозначившего совершенно новый тип взаимосвязи между литературным текстом и жизнью [8. С. 56]. Эта взаимосвязь воплотилась и в его частной эпистолярной практике. Анализ формальных и содержательных особенностей писем, их субъектной организации, жанровой специфики позволяет расширить представление о творческой лаборатории Н.М. Карамзина, о ха-

рактерных для него способах олитературирования действительности, о принципах организации эпистолярного диалога с адресатом.

Подключение литературного регистра в письмах Н.М. Карамзина может происходить на различных уровнях. В письме к великой княгине Екатерине Павловне от 29 ноября 1813 г. Карамзин напишет: «Простите, Сударыня: уж *это никак не эпистолярный жанр*; но я стал так стар, что мне трудно держаться в рамках условностей. Я говорю обо всем, что занимает меня» [10. С. 112]. И несмотря на то, что это чуть ли не единственное высказывание, касающееся жанровой специфики писем, оно знаково, поскольку маркирует сложную жанровую структуру карамзинского эпистолярия. Эпистолярный дискурс по своей природе отличается стиливым синкретизмом, нечеткостью жанровых границ, однако в каждом отдельном случае можно говорить о специфике жанровой структуры письма, обусловленной творческой индивидуальностью его автора, она, как и все составляющие эпистолярной поэтики, зависит от адресата, точнее, того или иного образа адресата, создаваемого автором письма. Именно образ адресата определяет направление развития общения, особенности поведенческого текста автора, а также то, какой тип связи письма с пространством литературы будет задействован. Кроме того, характер письма определяется художественным инструментарием писателя, его идеологией.

В эпистолярном комплексе Н.М. Карамзина можно выделить следующие виды писем, обусловленные типом адресата: письма друзьям, письмо власть имущим (здесь, конечно, особняком стоят письма императору), письма родным, письма литераторам. Каждый вид отличается особой стилистикой, формой и содержанием основных структурных элементов (обращение, прощание, подпись), степенью официальности, тематикой, а главное, образными характеристиками автора, доминанты поведенческого текста которого могут смещаться в зависимости от поставленных им задач. Но интересна не столько сама по себе типология писем (здесь можно также говорить и об особенностях поэтики писем к каждому отдельному адресату), сколько взаимодействие данных типов в рамках переписки с тем или иным адресатом. Так, письма к И.И. Дмитриеву преимущественно являются письмами другу, однако при определенных условиях Карамзин переключается на формат письма к власти имущему, это помогает ему разграничить письма к Дмитриеву – милому другу и Дмитриеву – министру, статскому советнику (см., например, письмо от 5 июля 1811 г. [14. С. 247], от 20 июня 1819 г. [Там же. С. 426] и др.) или по-эту. В свою очередь, письма Александру I – императору существенно отличаются от писем этому же адресату, касающихся частных предметов: их как по структуре, так и по содержанию можно отнести к разряду дружеской, а иногда даже семейной переписки (см., например, письмо от 7 апреля 1824 г. [10. С. 19]).

Интересно, как эпистолярная форма, ее жанровые разновидности (письмо другу и письмо властителю) воплотили концептуально значимые для Карамзина представления о человеке и человеческом как этической, нравственной категории вообще и власти в частности. Именно в письмах, обращенных к людям, наделенным властью, наиболее ярко выкристаллизовывается концепт «человек», содержание которого закреплено в многочисленных фрагментах

писем, написанных Н.М. Карамзиным в разные годы жизни: «Я любил его искренно и нежно, иногда негодовал, *досадовал на Монарха* и все любил человека, красу человечества своим великодушием, милосердием, незлобием редким» [10. С. 14]); «Что меня особенно трогает в нашем Императоре, так это его *возвышенная скромность*, которая выше человеческого величия или же *подлинное величие собственной персоной*» [10. С. 16–17], «Люблю Царей и Цариц, когда они *украшают человечество своими внутренними достоинствами*» [10. С. 38]. Концепт «человек» репрезентуется также во фрагментах, посвященных характеристике конкретного лица, его поступков, либо тех или иных действий карамзинских адресатов (примечательно, что отрицательные характеристики практически не встречаются в письмах): «Из моих новых знакомых наименую к. Александра Ник. Салтыкова: *человек умный и приятный*» [10. С. 131]; «Другого человека я не обременил бы такою просьбою; *но вас знаю и не боюсь показаться вам смешным. Вы же наш попечитель*» [10. С. 281]; «К сему одолжению вы присоединили еще всю *нежность души кроткой, чувствительной*, и тем возвысили цену его» [10. С. 282].

Таким образом, частные письма Н.М. Карамзина, наряду с письмами, «авторами» которых являются фиктивные корреспонденты его периодических изданий (см. «Письмо сельского жителя», «Великодушное дело тверского дворянина. Письмо к издателю», «Письмо к издателю. Великодушные поступков» и мн. др.), а также прозаические и поэтические произведения писателя (в частности «Ода на случай присяги московских жителей его императорскому величеству Павлу Первому, самодержцу всероссийскому», «Его императорскому величеству Александру I, самодержцу всероссийскому, на восшествие его на престол», «На торжественное коронование его императорского величества Александра I, самодержца всероссийского», которые являются по своей сути поэтическими посланиями царям, «Моя исповедь» и мн. др.) сублимировали представления Н.М. Карамзина о сущности человека и человечности, гражданского долга и патриотизма. Выбор автором эпистолярной формы в данном случае принципиален: письмо, послание как форма душевного диалога – это инструмент нравственного, духовного воспитания и одновременно самораскрытия. Эпистолярная форма позволила Карамзину-издателю, писателю, автору собственных писем погрузить читателей, адресатов в сферу своих духовных интересов. Посредством ее он формирует образ героя времени. Форма письма позволила не только раскрыть «внутреннего человека», но и явить стремления автора к воспитанию, просвещению общества.

Закономерно, что важной отличительной чертой карамзинской эпистолярности является ее этический потенциал, для нее характерна воспитательная, педагогическая риторика, проявление которой можно найти, например, в письмах к брату, посвященных проблеме выбора способа образования для воспитанницы Василия Михайловича Карамзина Ольги: «Гораздо лучше, чтобы Оленька росла и воспитывалась у вас на глазах. Не лишайте себя такого великого утешения, которое обратится *в пользу и для ее нравственных свойств*» [10. С. 178]. Также симптоматично появление в частной эпистолярной практике Н.М. Карамзина различного рода писем-назиданий, к которым можно отнести как письмо «Моему сыну Андрею в день его рождения» [10.

С. 149–150], так и «Мнение русского гражданина» [10. С. 9–12] и связанные с ним тексты «Для потомства» [10. С. 13] и «Новое прибавление» [10. С. 13–14]. Воспитательная интенция может быть выражена в письмах декларативно, как, например, в письме к П.А. Вяземскому от 11 сентября 1818 г.: «Есть граница и для скромности: *говорите не все, но говорите*» [10. С. 330], либо завуалированно, через собственный пример: «Во время своего нездоровья я много читал, и в особенности старика Монтескьё. *Заглядываете ли вы в него, господин молодой политик?* Он умствует умно, умничает остроумно, мешая дело с бездельем, но всегда полон мыслей то глубоких, то блестящих» [10. С. 334]. Воспитательная риторика в пространстве карамзинского эпистолярия, так же как в контексте всего его творчества, не агрессивна и не тенденциозна, в ее основе просветительская вера в человека. Карамзин на протяжении всего своего жизненного и творческого пути верит «в способность человека быть достойным своего высокого призвания <...> настойчиво подчеркивает огромное значение нравственного, идеального начала в искусстве, которое <...> видит не в дидактическом нравоучительстве, а в верности изображения характеров, в глубоком раскрытии “внутреннего человека”» [15. С. 290]. Письма Н.М. Карамзина, как и эпистолярные публикации в его изданиях, являются способом воздействия на читателя, внедрения в сознание культурного сообщества целого спектра гуманистических идеалов. В эпистолярии писателя генерируется идеальный поведенческий текст реального или воображаемого адресата в проекции Карамзина-автора письма. При этом образ как автора письма, так и его адресата является отражением целенаправленной карамзинской воспитательной программы.

В контексте разговора об эпистолярности Н.М. Карамзина нельзя не отметить ее экспрессивность, выразительность. Ранние письма Н.М. Карамзина более образны, однако экспрессивность, художественность присуща и его позднему эпистолярному наследию. Можно выделить различные способы создания эстетического эффекта в пространстве писем. В частности, это использование элементов различных литературных жанров, которые придают особую экспрессию почтовой прозе. Ярким примером в этом смысле являются, конечно, письма к И.К. Лафатеру, в которых Карамзин, выбрав роль восторженного юноши, пишущего известному философу, не скрывает своей ориентации на литературную традицию, даже подчеркивает ее, говоря о себе в третьем лице, выстраивая письмо по модели сентиментального повествования: «Юноша не хочет терять ни одной минуты, берет перо в руки и начинает писать свое письмо. Этот юноша – я сам, и так как я юноша, то вы должны мне простить, что я своим письмом прерываю более важные занятия ваши. Расскажу вам всю свою повесть, чтобы дать вам о себе верное понятие» [10. С. 236]. Во фрагментах писем к императрицам и великой княгине Екатерине Павловне, касающихся деяний Александра I, Карамзиным часто используется одическая поэтика: «Герой (который соизволит иметь представление о моем жалком существовании) вернется коронованный лавровыми и оливковыми ветвями. Вы правы, восхищаясь Провидением: слепые, и те узрели его в этой навеки памятной борьбе. Это случай сказать: Смертные, молча падите ниц! Ибо словам не выразить одно из самых мудрых удивлений» [10. С. 116].

Сигналом изменения содержательности эпистолярной формы может стать заголовок к эпистолярному тексту, как, например, в случае с письмом к императрице Марии Федоровне от 10 июля 1816 г., которое Н.М. Карамзин озаглавил «Мысли в саду Павловском» [10. С. 37–38]. Письмо имеет яркую поэтическую тональность, отсылает одновременно и к жанру поэтического послания, и к жанру идиллии. Образы же Павловского сада и розы станут сквозными в переписке с императрицей. Примеров озаглавливания Карамзинем своих частных писем немного, но они показательны с точки зрения сложного взаимодействия художественного и эпистолярного дискурсов, особенно если учесть контекст карамзинских периодических изданий. Так, в «Вестник Европы» вошло внушительное количество эпистолярных публикаций, в том числе и переводов, выполненных Карамзиным, а также текстов, написанных им же от лица других авторов. Большинство из этих материалов имеют заголовки, которые становятся ключом к пониманию позиции издателя («О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину NN», «О новых благородных училищах, заводимых в России. Письмо из Т.» и др.). Часто включение элементов художественности в письмах Карамзина связано с моментами особого эмоционального напряжения, стремлением обозначить знаковость того или иного момента для их автора.

Эпистолярности Н.М. Карамзина присуща поэтика Возвышенного¹ во всем ее разнообразии. Для карамзинских писем разных периодов характерны картины Возвышенного Природы (термин А.Н. Пашкурова [16. С. 41]). Письма наполнены элегическими мотивами и описанием меланхолических пейзажей, выражающих идею гармонии, представления о прекрасном и одновременно отражающих эмоциональное состояние их автора: «Представляю себе, что Вы, сидя под окном Вашего кабинета, смотрите на его зыбь или кипение, держите в руках книгу, читаете и снова устремляете взор на царство Нептуново! Не боюсь за Вас скуки: с Вами Государь, Природа, книги и деятельность Вашей души с богатством мыслей и воспоминаний» [10. С. 83]; «Один день лучше другого, и мы в гордости своей не завидуем солнцу Италии: Царскосельское, Павловское так ярко, что русская пословица: смотреть сентябрем на сей раз не имеет смысла» [10. С. 42]. Природные образы становятся воплощением возвышенной меланхолии с характерной для нее поэтизацией уединения: «Это смятение северной Природы конечно не мешает Вам наслаждаться тишиною, которой Вы искали в Ориенбауме и в которой чувствительная душа отдыхает на свободе. Отдохните и благополучно возвратитесь к нам, живущим здесь почти как в пустыне» [10. С. 68]. Поэтика Возвышенного в письмах Н.М. Карамзина проявляется и в использовании идиллической жанровой модели. В письмах в идиллические тона окрашены воспоминания о прошлом, мечты о возможности быть рядом с близкими людьми, о тихой жизни в кругу семьи: «Тихая сельская жизнь мне гораздо приятнее городской, хотя мы имеем и весьма добрых знакомцев в Москве. Кто лю-

¹ Подробнее о проявлении категории возвышенного в русской поэзии 1770–1810-х гг., в том числе в поэтическом творчестве Н.М. Карамзина, см. в [16].

бит жену, детей и занят делом, тому люди более мешают, нежели помогают наслаждаться жизнью» [10. С. 178].

Красота внешняя в карамзинской системе ценностей неразрывно связана с представлениями о духовной красоте. Яркой особенностью эпистолярности писателя является подключение элегического модуса, в частности элементов жанра философской дидактической элегии, которые поддерживают воспитательную риторику его писем: «Удовольствия и само счастье подчас не обладают бесконечностью и возвышенностью иных горестей, которые в большей степени, чем радости, заставляют нас почувствовать благородство нашего существа и наши права на нечто божественное. Будь мы на этом свете лишь счастливы, я бы меньше верил в бессмертие души и доброту самого Господа Бога» [10. С. 111–112]. При этом в круг философских максим Карамзина включены представления о добродетели, в том числе ее религиозной составляющей, любви, божестве, милости, которые, по мысли автора писем, должны определять поведение и образ мыслей его читателей и адресатов. Таким образом, Возвышенное Добродетели является неотъемлемой частью карамзинской эпистолярной философии.

Постоянное обращение исследователей к наследию Карамзина, даже на номинальном уровне, может быть объяснено универсальностью, типологичностью и продуктивностью принципов художественного мышления, воплощенных в его творчестве, которые, «оставаясь узнаваемыми в произведениях преемников и последователей <...> давали им возможность создавать более совершенные творения» [17. С. 33]. Исследование частной переписки Карамзина и эпистолярных форм в его творчестве позволяет сделать вывод о важнейшей роли эпистолярной формы в построении поэтики его произведений, а также о философско-антропологической, культурно-исторической, художественной значимости и продуктивности его эпистолярного наследия для русской словесной культуры.

Литература

1. *Шаврыгин С.М.* Особенности художественного мироощущения Н.М. Карамзина // Карамзинский сборник: Наследие Н.М. Карамзина и современное развитие российского общества. Ульяновск, 2014. С. 127–129.
2. *Янушкевич А.С.* Эпистолярный В.А. Жуковского как отражение и выражение литературного быта его времени // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 2 (18). С. 106–119.
3. *Атанасова-Соколова Д.* Эпистолярность А.С. Пушкина // *Litteraria humanitas*. Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech. Брно, 2000. С. 125–139.
4. *Боровиков Д.С.* Эпистолярные мотивы в художественном мире Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 24 с.
5. *Шевцова Н.В.* Эпистолярный жанр в наследии Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2004. 22 с.
6. *Боткина Н.* Особенности структуры повествования в письмах: докт. дис. Вильнюс, 2011. 176 с.
7. *Топоров В.Н.* «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М.: Изд. центр Рос. гос. гуманит. ун-та, 1995. 551 с.
8. *Лебедева О.Б.* Нарративная структура «Писем русского путешественника» в свете национальной повествовательной традиции // Карамзин и время: сб. ст. Томск, 2006. С. 37–58.
9. *Троицкий Ю.Л.* Эпистолярный дискурс в России XIX века: пощечина, розыгрыш, дуэль // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 460–469.

10. Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений: в 18 т. Т. 18: Письма. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2009. 624 с.
11. Омарова Г.Б. Диалогичность эпистолярной поэтики А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 19 с.
12. Петров А.В. Содержательность эпистолярного времени в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Карамзин и время: сб. ст. Томск, 2006. С. 59–69.
13. Сорникова М.Я. Жанровая структура «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Коломна, 2006. 19 с.
14. Сукайло В.А. Труды и дни Ивана Дмитриева: в 2 кн. Кн. 1: Хроника. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. 960 с.
15. Канунова Ф.З. Эволюция сентиментализма Карамзина («Моя исповедь») // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. XVIII век: сб. 7. М.; Л., 1966. С. 286–290.
16. Пашкуров А.Н. Категория возвышенного в поэзии русского сентиментализма и предромантизма: Эволюция и типология. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 212 с.
17. Сапченко Л.А. Творческое наследие Н.М. Карамзина: проблемы преемственности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 40 с.

N.M. KARAMZIN'S EPISTOLARITY

Tomsk State University Journal of Philology, 2016, 2 (40), 135–146. DOI: 10.17223/19986645/40/10
Frik Tatiana B., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tfrik@tpu.ru

Keywords: N.M. Karamzin, letter, epistolary heritage, epistolary forms, epistolary poetics.

The complex analysis of letters of N.M. Karamzin in the aspect of their poetics, and also research of epistolary forms in works of the writer is a topical research task.

The post prose is inseparable from the literary works of the writer, they are in a condition of a continuous dialogue. Epistolarity is a distinctive feature of the poetic and prosaic poetics of N.M. Karamzin. Epistolary forms play a special role in representations of N.M. Karamzin's principles and position as of the publisher of a journal. The letter in the publishing ideology of Karamzin is an interactive form of communication with the reader which initially assumes the readiness of the addressee to understand and accept the point of view of the author.

Epistolarity in the creative heritage of N.M. Karamzin is characterized by ambivalence of its manifestation: on the one hand, the writer actively develops the poetics of the private, friendly letter in his poetry, prose, journalistic and publishing practice; on the other hand, in his private correspondence N.M. Karamzin expands the limits of the routine letter, bringing it to the level of literature and journalism.

Private letters of N.M. Karamzin, as well as his poetic messages and works of art, embodied the orientation to a friendly chat characteristic for the era in general. For the writer and the historian aspiration to an emotional bond with the addressee-interlocutor is not so much a tribute to literary fashion, but an ideologically significant constant, a basis of the philosophy of life and of life building which, it is important to note, became productive for subsequent generations of Russian writers.

An important distinctive feature of Karamzin's epistolarity is its ethical potential, educational, pedagogical rhetoric. Karamzin's letters, as well as epistolary publications in his editions and works of art, are a way to impact the reader, to introduce in the consciousness of the cultural community of the whole range of humanistic ideals.

Speaking about N.M. Karamzin's epistolarity, its expressivity and expressiveness should be noted. The figurative plan plays a most serious role in the structure of his letters. N.M. Karamzin's epistolarity has the poetics of the sublime in all its variety. Karamzin's letters of different periods contain pictures of the sublime of the nature. The poetics of the sublime in Karamzin's letters is shown in the uses of the idyllic genre model. External beauty in Karamzin's system of values is inseparably linked with the ideas of spiritual beauty.

Research of the private correspondence of Karamzin and of the epistolary forms in his creativity allows drawing a conclusion on the most important role of the epistolary form in the creation of the poetics of his works, and also on the philosophical and anthropological, cultural and historical, literary importance and efficiency of his epistolary heritage for the Russian literary culture.

References

1. Shavrygin, S.M. (2014) Osobennosti khudozhestvennogo mirooshchushcheniya N.M. Karamzina [Features of the artistic world view of N.M. Karamzin]. In: Shavrygin, S.M. (ed.) *Karamzinskiy sbornik: Nasledie N. M. Karamzina i sovremennoe razvitie rossiyskogo obshchestva* [Karamzin collection: Legacy of N.M. Karamzin and modern development of Russian society]. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University.
2. Yanushkevich, A.S. (2012) V.A. Zhukovsky's epistolary as reflection and expression of contemporary literary life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2 (18). pp. 106–119. (In Russian).
3. Atanasova-Sokolova, D. (2000) Epistolyarnost' A.S. Pushkina [Epistolarity of A.S. Pushkin]. In: Pospíšil, I. (ed.) *Litteraria humanitas. Alexandr Sergejevič Puškin v evropských kulturních souvislostech*. Brno.
4. Borovikov, D.S. (2007) *Epistolyarnye motivy v khudozhestvennom mire N.V. Gogolya* [Epistolary motives in the artistic world of N.V. Gogol]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saratov.
5. Shevtsova, N.V. (2004) *Epistolyarnyy zhanr v nasledii F.M. Dostoevskogo* [The epistolary genre in the heritage of F.M. Dostoevsky]. Abstract of Philology Cand. Diss. Magnitogorsk.
6. Botkina, N. (2011) *Osobennosti struktury povestvovaniya v pis'makh* [Features of the narrative structure in letters]. A Doctoral Thesis. Vilnius.
7. Toporov, V.N. (1995) *"Bednaya Liza" Karamzina. Opyt prochteniya* [Poor Liza by Karamzin. Reading experience]. Moscow: RSUH.
8. Lebedeva, O.B. (2006) Narrativnaya struktura "Pisem russkogo puteshestvennika" v svete natsional'noy povestvovatel'noy traditsii [The narrative structure of Letters of a Russian Traveler in the light of the national narrative tradition]. In: Ayzikova, I.A. & Yanushkevich, A.S. (eds) *Karamzin i vremya* [Karamzin and time]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Troitskiy, Yu.L. (1999) Epistolyarnyy diskurs v Rossii XIX veka: poshchechina, rozygrysh, duel' [The epistolary discourse in Russia of the 19th century: slap in the face, prank, duel]. In: *Traditsiya i literaturnyy protsess* [Tradition and the literary process]. Novosibirsk: SB RAS, Research and Publishing Center UIGGM RAS.
10. Karamzin, N.M. (2009) *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 t.* [Complete Works: in 18 vols]. Vol. 18. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.
11. Omarova, G.B. (2004) *Dialogichnost' epistolyarnoy poetiki A.S. Pushkina* [The dialog character of the epistolary poetics of A.S. Pushkin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Omsk.
12. Petrov, A.V. (2006) Soderzhatel'nost' epistolyarnogo vremeni v "Pis'makh russkogo puteshestvennika" N.M. Karamzina [The content of the epistolary time in Letters of a Russian Traveler by N.M. Karamzin]. In: Ayzikova, I.A. & Yanushkevich, A.S. (eds) *Karamzin i vremya* [Karamzin and time]. Tomsk: Tomsk State University.
13. Sornikova, M.Ya. (2006) *Zhanrovaya struktura "Pisem russkogo puteshestvennika" N.M. Karamzina* [The genre structure of Letters of a Russian Traveler by N.M. Karamzin]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kolomna.
14. Sukaylo, V.A. (2010) *Trudy i dni Ivana Dmitrieva: V 2 kn.* [Works and Days of Ivan Dmitriev: In 2 books]. Book 1. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya.
15. Kanunova, F.Z. (1966) Evolyutsiya sentimentalizma Karamzina ("Moya ispoved") [Evolution of Karamzin's sentimentalism (My Confession)]. In: Likhachev, D.S. et al. (eds) *Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoy kul'tury. XVIII vek* [The role and importance of literature of the 18th century in the history of Russian culture. The 18th century]. Vol. 7. Moscow; Leningrad: Nauka.
16. Pashkurov, A.N. (2004) *Kategoriya vozvyshennogo v poezii russkogo sentimentalizma i predromantizma: Evolyutsiya i tipologiya* [The category of the sublime in the poetry of Russian sentimentalism and pre-Romanticism: Evolution and typology]. Kazan: Kazan State University.
17. Sapchenko, L.A. (2003) *Tvorcheskoe nasledie N.M. Karamzina: problemy preemstvennosti* [The artistic heritage of N.M. Karamzin: problems of continuity]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.